

Садовский Виктор Фёдорович родился в 1947 году в станице Курчанской Темрюкского района Краснодарского края. Автор нескольких поэтических сборников и многих песен на стихи орловских поэтов, гимна-марша орловских казаков. Стихи публиковались в коллективных сборниках и периодической печати. Книга стихотворений «Оберег» переведена на английский язык. Лауреат всероссийской литературной премии «Вешние воды». Член Союза писателей России, Союза журналистов РФ. Поэт, музыкант, композитор, собиратель и исполнитель казачьих народных песен. Живёт в Орле.

ЕГО ПЕВУЧАЯ ДУША

*Светлой памяти А. А. Крепких —
певца земли Орловской — посвящается*

НЕЗАМЕЧЕННЫЙ ЮБИЛЕЙ (ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ К ПОЭМЕ)

В довольно шумной и красочной череде мероприятий празднования 450-летия Орла хватило места и времени, чтобы упомянуть и осветить многие исторические события и отдать должное делам тех, кто, как говорится, верой и правдой некогда служил родному городу, и тех, кто сегодня умножает его славу и делает краше. Цари и военачальники, писатели и музыканты, учёные и врачи, строители и педагоги... — это их (почётных и просто граждан) интеллекту и рукам мы должны быть благодарны, гордиться и не забывать хотя бы «во дни торжеств». Но, к сожалению, углубляясь в «дела давно минувших дней», мы, порой, не помним тех людей, имена которых ещё совсем недавно были у всех на слуху, а о делах их слава шла далеко за пределы земли орловской.

Александр Александрович Крепких (1941—1998) — Заслуженный работник культуры России, композитор, хоровой дирижёр — один из тех, чьё имя не было упомянуто в торжественных речах, а его 75-летний юбилей (1 августа 2016), совпавший с юбилеем города, остался никем незамеченным. А ведь этот музыкант воспевал несколько десятилетий подряд «город мой над Окой», «любимый край Орловский», Русь, Россию, будучи художественным руководителем известного во всей России Орловского русского народного хора профсоюзов. Не было, пожалуй, ни одного певческого коллектива на Орловщине, который не исполнял бы песен Александра Крепких и народных песен в его оригинальных обработках.

«Орловский край» (сл. Д. Блынского), «Цвети, расти, берёзонька» (сл. Г. Иванова), Русь (сл. А. Шиляева), или замечательные по мелодизму песни Крепких на стихи В. Катанова, В. Дронникова, С. Есенина, Н. Рубцова — это лирический гимн земле Тургенева и Фета, Бунина и Лескова... Это гимн земле, которая подарила нам замечательного самородка.

Как же быстро летит время! Кажется, совсем недавно он ходил по этим тихим переулкам; стоял на висячем мостике через Орлик, наблюдая за парой белоснежных лебедей; его можно было запросто оклик-

нуть: «Привет, Саш!»; выпить по паре кружек пива и отвести душу за разговорами о судьбе России, о нелёгких временах, постигших русскую национальную культуру, народную песню; и вот минула уже четверть века, как он ушёл. Ушёл в расцвете творческих сил. Прах его упокоился на старом кладбище, рядом с другими почитаемыми орловцами. Он остался в прошлом столетии, даже тысячелетии, а душа его продолжает жить в песнях, удивительно проникновенных, не крикливых, по-настоящему русских, глубоко патриотичных, без «ура!»

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ САНЬКИ КРЕПКИХ (ПОЭМА)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Как Санька спасал от фашистов гармонь

Холодный декабрь сорок первого года,
К Москве рвётся рьяно фашистская рать.
Но кажется, даже родная природа
Неистово лютой морозной погодой
Готовится Гитлера планы сорвать.

Село наводнили чужие солдаты,
Звучала везде непонятная речь.
Озябшие, в тонких шинелях помятых,
Они занимали просторные хаты,
Где главной в мороз была русская печь.

Всё ценное грабили. Ели и пили.
Краснели от шнапса и жара печи.

Губные гармошки, как суки, скулили...
Былём поросли эти давние были,
Но что-то порою всплывает в ночи...

В семье с давних пор
сохранилось преданье
О том, как от немцев спасая гармонию,
Дед спрятал её под подушку Сани
В младенческой люльке,
надеясь, что к тайне
Ворюга фашист не протянет ладонь.

Пелёнки менять не старались нарочно,
Чтоб фриц от постельки свой нос воротил.
«Елецкое чудо» и денно, и ночью,
Как будто святые нетленные мощи,
Малыш под головкой надёжно хранил.
На ней, подрастая, играл на матане,
На свадьбах вернувшихся
с фронта бойцов.
Мечтая о собственном тульском баяне
(И это осталось в семейном преданье),
Любую работу шёл делать с отцом.

Когда же мечта стала явью для Саньки,
Он ночь напролёт мог на клавиши жать.
Родитель ворчал:
«Ты хоть дашь, Ванька-встанька,
Нам выспаться нынче
спокойно с маманькой?!
Довольно меха полонезами рвать!»

Конечно, ругался отец незлобиво,
Он сам обожал на баяне игру.
К подворью Крепких вся округа ходила:
Жена под частушки дробушки дробила,
И сын — музыкант — был всегда на миру.

За Санькой гурьбой увивались девчонки,
«Киношные песни» просили играть,
Жужжали над ухом, как майские пчёлки,
Но он на поглядок девичьих иголки
Баян и гармошку не смел променять.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Зов крылатой мечты

Был Елец — старинный городок —
И село Казинка Войсковая,
Матушки Орловщины восток,
Нынче — запад Липецкого края.

На таланты здешняя земля
Плодовита и щедра безмерно.
Всё в достатке — и потехи для,
И для крепкой Православной Веры.

Есть простор сметливому уму,
И для рук умелых есть работа.
Стало быть, и дело есть тому,
Кто душою потянулся к нотам.

Отрок Сашка к музыке прирос,
Но остаться «вечным самоучкой»
Не желал. И встал ребром вопрос:
«А кому ж косить, таскать навоз,
Если сын вдруг станет белоручкой?»

Ты и так играешь хорошо!
Только жизнь — не праздник
каждодневный.

Где работать думаешь, Сашок,
На заводе или здесь, в деревне?

Буду рад — подашься в токаря,
Там рубли — не трудодни в прорехе.
Там вставать ни свет, брат, ни заря
Можно только для большой потехи.

Внять житейской мудрости отца
Мог бы Санька, но мечта — крылата!
Подошло, знать, время для птенца
Покидать родимые пенаты.

Улетел.
Ему в пятнадцать лет
Небольшой Елец был градом стольным,
Где в кармане тихий звон монет,
Заглушался звоном колокольным.

Баянист-хормейстер, год спустя
Покидая курсы областные,
Счастлив был как малое дитя,
Документ в руках держа впервые.

В Войсковой Казинке старики,
На печать серьёзную взирая,
Говорили: «Крепкие Крепких!
Испокон, брат, кость у вас такая.

То, что ты на всех дудах игрец,
И коню понятно, и кобыле.
Хорошо с гармонью под венец,
Только дело выбрать, наконец,
Надо, чтоб в руках мозоли ныли».

Что ответишь старым казакам?
Их святая сельская наивность

Растеклась, как речка по векам,
Сохранив природную невинность.

Так, порой, и в песне простота,
По своей наивности — сквозяща,
Но при этом, как родник, чиста
И душевна, и до слёз щемяща.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Степь да степь кругом

Первый раз в Измалкове-селе
Он сидел с баяном перед хором,
А мороз декабрьский на стекле
Рисовал белёдые узоры.

Пели песню «Степь да степь кругом»,
В ней ямщик, в дороге замерзая,
Просит сотоварища о том,
Чтоб не помнил зла, и чтоб по нём
Не страдала жёнушка родная.

«...И скажи ты ей слово прощальное,
Передай кольцо обручальное.
А ещё скажи, что в степи замёрз,
А любовь её за собой унёс...
Замолчал ямщик, слеза катится,
А в глухой степи вьюга плачется».

Подкатил внезапно к горлу ком,
И слеза сверкнула на баяне,
Словно Сашка сам был ямщиком,
Замерзавшим в том степном буране.

Устыдившись «слабости» своей,
Капли слёз смахнул с баяна чубом
И нажал на клавиши сильнее,
Взгляд поймав солистки хора Любы.

Разошлись певицы в поздний час.
Баянист с Любашей вышли вместе.
Девушка сказала, щуря глаз:
— Саша, ты устраиваешь нас,
Выдержал экзамен нынче с честью.

Я твою заметила слезу,
И теперь без лишних слов мне ясно:
Выбрал сердцем ты свою стезю.
Только вот стыдишься чувств — напрасно.

В русской песне, что сложил народ,
Есть, где нашим чувствам разгуляться.
Верю я: тебя удача ждёт,
Надо только очень постараться.

«Умная! — подумалось ему. —
Говорит, как завуч в школе нашей».
Вслух сказал:
— Ну, что ж, совет приму,
Если рядом будешь ты, Любаша.
Девушка с Измалкова-села,
Голосом красивым отличаясь,
Стать артисткой ярко могла,
Если бы с Крепких не повстречалась.

Случай был.
На смотр областной
Съехались певцы со всей округи.
Был на смотре том и наш герой
Со своею будущей супругой.

Нина Константиновна Мешко —
Член жюри (из Северного хора!) —
Заявила:
— Люба, день на сборы!
У тебя талант! И он — бесспорный!

Обещать не буду гор златых,
Но поедешь — сделаю певицей.
Тут вмешался в ход судьбы Крепких:
— Не поедет! Нам в краях своих
Надо музыкально опериться.
Север подождёт, сперва — Орёл,
Всё ж надёжней под его крылами.
— Жаль! — сказала гостья, сев за стол. —
Парень, вижу я, ты сам орёл.
Пусть звезда удачи правит вами!

Так, характер крепкий проявив
(Ведь не зря ж казацкой был породы),
Он остался с той, кого любил,
Не на дни иль месяцы — на годы.

Радостью земной наполнил дом
Детский смех, и песни в нём звучали...
Было это всё потом, потом.
Мы же говорим сейчас о том,
Что в судьбе их было изначальным.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Баян, тромбон и руки-крюки

Учиться музыке всерьёз
Им, молодым, велело время.
На музыкантов спрос возрос:
Тянулась к городу деревня.

В стране задумали стереть
Различий грани вековые,
И этот груз со старых плеч
Переложить на молодые.

Орёл, однако, под крыла́
Принять двоих сопротивлялся:
Удача Любу обняла,
А Сашка за бортом остался.

Для баяниста — «не силён!
Нет надлежащей подготовки!»

Охотно брали на тромбон,
Но, понял сам, — не будет толку.

У педагогов хороших,
Что благосклонны были к Любе,
К рукам натруженным Крепких
Свой оказался резкий штрих:
«Для дирижёра — слишком грубы».

И только через пару лет,
На «руки-крюки» не взирая,
Студенту выдали билет,
Успехов искренне желая...

Орёл, 2017 г.